

the romantic era research tradition and used by linguistics to the whole complex of disciplines within Slavic studies, its introduction into history of literatures and subsequent rejection of romantic historicism in positivistic Slavic studies.

Key words: Slavic studies, comparative-historical method, history of Slavic literatures, cultural project, nation-building, nationalism.

Nedashkovskaya Nadezhda Igorevna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow; n.nedashkovskaya@yandex.ru

УДК 94(470):929"18"

Воробьева И.Г.

**В.И. ГРИГОРОВИЧ И Н.А. ПОПОВ:
ДВА УНИВЕРСИТЕТСКИХ ПРОФЕССОРА
(по данным их переписки)**

В статье на основе архивных данных показаны взаимоотношения двух славистов второй половины XIX в. в контексте корпоративной этики российской профессуры.

Ключевые слова: В.И. Григорович, Н.А. Попов, Новороссийский университет, славяноведение, эпистолярное наследие, корпоративная этика,

Виктор Иванович Григорович, один из первых университетских славистов, чей 200-летний юбилей приходится на 2015 год, имел, по словам его современника А.А. Кочубинского, «пламенный характер и самоотвержение, глубокий, острый ум, упрежденный редким образованием, и необыкновенное трудолюбие». Вероятно, эти жизненные качества позволили ему сделать важнейшие научные открытия в области славянских древностей.

Его научная биография, несмотря на большую историографическую традицию¹, все же неполна, есть множество не проясненных вопросов. Частично это объясняется плохой сохранностью его личного архива в сравнении, к примеру, с О.М. Бодянским, отсутствием семьи, которая передавала бы память, как это было у И.И. Срезневского, сменой мест службы.

Объемнее понять жизнь ученого «необыкновенного порядка», как называли его современники, частично помогает сохранившаяся переписка. Так, в НИОР РГБ в фонде Григоровича имеется пять писем профессора Нила Александровича Попова (1859, 1872–1873, 1876) и в фонде Н.А. Попова – 6 писем Григоровича (1872–1873, 1876). Эта небольшая по объему переписка включает содержательный материал для истории русской славистики XIX в. и позволяет полнее осветить последний период в жизни В.И. Григоровича².

¹ См.: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 211–230 и др.

² Впервые я кратко сообщала о ней в 1991 г. на конференции в Одессе, посвященной 175-летию со дня рождения В.И. Григоровича. Тезисы докладов были опубликованы малым тиражом и плохой печатью. Недавно опубликован новый комментарий. См.: Валеев Э.Н. Эпистолярное наследие В.И. Григоровича как исторический источник: (по материалам писем Н.А. Попову) // Библиотека в

Н.А. Попов познакомился с Григоровичем в 1857 г. в Казани. После окончания историко-филологического факультета в 1854 г. он преподавал в гимназиях Москвы, а затем получил должность адъюнкта кафедры русской истории в Казанском университете. Магистерскую диссертацию, посвященную историку В.Н. Татищеву, он тогда еще не завершил, но разыскал новые документы о деятельности Петра Андреевича Толстого.

Григорович в то время уже вернулся из своей не лишенной трудностей командировки на Балканы и Афон, привез ценнейшие славянские рукописи: Хиландарские листки, Мариинское Евангелие, Псалтырь XIII в., Законник Стефана Душана и др. В 1848 г. он опубликовал свой «Очерк путешествия по Европейской Турции», который, по словам Н.М. Петровского, «открыл новый материал с его неведомыми дотоле обитателями. Вся история древнеславянской письменности... должна принять новый вид... Наука уже не может обойтись без книги Григоровича». В университете профессор читал лекции по истории славянских народов и по славянскому языкознанию. Григорович стал признанным славистом, известным в Европе.

Как складывались отношения между маститым ученым и начинающим адъюнктом, сказать сложно. Мог ли Григорович увлечь Попова славянской проблематикой? Ю.Н. Валеева, изучившая «Казанские письма» Попова, опубликованные в «Московских ведомостях» в 1858–59 гг., положительно отвечает на этот вопрос¹. Исследовательница убеждена, что интерес к истории и культуре славянских народов сформировался у Попова при непосредственном влиянии Григоровича. Однако ее аргументация представляется мне недостаточной.

Выскажу предположение, что какие-то сведения о европейских славистах, в частности о П.И. Шафарике, Попов мог получить от Григоровича перед своей поездкой в славянские страны. Его командировка проходила с осени 1861 до лета 1864 г., уезжал он по рекомендации уже Московского университета. Отметим, что за границей Попов встречался со своим сверстником, учеником Григоровича М.П. Петровским (1833–1912).

контексте истории: материалы 10-й Всероссийской с международным участием научной конференции / сост. М.Я. Дворкин. М., 2013. С. 75–81.

¹ Петровский Н.М. Путешествие В.И. Григоровича по славянским землям // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 12. С. 235.

² Валеева Ю.Н. «Казанские письма» историка Н.А. Попова как источник общественной и культурной жизни Казани дореформенного периода // Вестник архивиста. 2013. № 2.

Григорович же покинул Казань в начале 1864 г., перебравшись в Одессу, в Новороссийский университет, подарив его библиотеке 700 томов по славистике. Григорович посылал книги из своего собрания и в Москву. Об этом свидетельствуют письма Попова от 27 ноября 1859 г. (дата не точная), 1872–76 гг. Так, в письме Григоровича от 11 апреля 1872 г. сказано об отправке 20 экземпляров брошюр для раздачи лицам, «интересующимся славянством», в письме от 22 апреля 1873 г. – о посылке 10 экз. брошюры Григоровича об А.Ф. Гильфердинге, в письме от 3 сентября 1876 г. Попов сообщал о получении книги Григоровича, посвященной истории Сербии. Эти книги пересылались чаще не лично профессору Попову, а в Московский славянский благотворительный комитет, где Попов был секретарем.

Попов заинтересовался воспоминаниями Григоровича о Гильфердинге и в ответном письме от 11 сентября 1873 г. писал: «С величайшим любопытством и удовольствием прочел присланную Вами в комитет брошюру, в которой заключаются столь теплые воспоминания о покойном Гильфердинге и столь справедливые пожелания по поводу церковной распри между греками и болгарами. Я сочту своей обязанностью прочесть некоторые места из этой брошюры в ближайшем заседании комитета, которое назначено на 16 сентября, день памяти св. Людмилы, чешской княгини, и раздать присланные Вами экземпляры важнейшим из членов комитета»¹.

Ученых связывало не только деловое сотрудничество, но и укреплявшиеся с годами общность интересов и чувство личной симпатии. Попов поделился с Григоровичем своим семейным счастьем – бракосочетанием с Верой Сергеевной Поповой, старшей дочерью профессора С.М. Соловьева. Тот в ответ сообщал, что, побывав в Троице-Сергиевой лавре, в фотографии «забрал свои снимки с глаголиты», а в дар Попову посылает экземпляр «снимка с древнейшей иконы века X или XI». Другой экземпляр снимка он «поднес Ризнице преподобного Сергия». Характерна последняя строчка в письме «В Лавре преподобного Сергия можно научиться смирению. Тяжко подумать об участии тружеников»². Таким тружеником и был сам Григорович.

Преподавание в Новороссийском университете оказалось для Григоровича таким же тяжелым трудом, как и в Казани. Большое печальное письмо написал он Попову из Одессы 11 октября 1876 г. Прочитую его с некоторыми сокращениями.

¹ НИОР РГБ. Ф. 86. П. 4. № 110.

² Там же. Ф. 239. П. 7. № 49.

«Милостивый государь Нил Александрович! Вы удостоили меня отзыва, которым особенно дорожу. Внимание возвышенных сотрудников в святом деле ободряет меня, рядового труженика. Прошу Вас благосклонно принять и передать другим Вашим сотрудникам выражение искренней моей признательности. Дожив до громадных событий, могу сказать: Господи! Ныне отпускаем раба своего яко видешь великодушных сподвижников.

Когда вспоминаю, как за 18 лет со страхом издавал Чтения свои о Сербии в ее отношениях... как затруднялось печатание, как затем кто-то прозвал начинание мое лилипутным, не могу не дивиться чудному превращению общественного мнения. Лилипутным называю сам теперь прежние начинания, смиренно созерцая громадности настоящего движения»¹.

Далее Григорович размышляет о ситуации на Балканах в период обострения Восточного вопроса, восстания в Боснии, в Болгарии. «Едва достаёт внимания следить за всеми проявлениями современности. Желательно, чтобы нашлись умеющие передать потомству от жизни достопамятное, желательно особенно, дабы западные клеветы запомнились. Об одном не могу не сообщить, что думаю. Вы заметили, как усердно намекают на примыслие нигелизма в настоящем движении. Он привился, но кем? И где? По моим наблюдениям, с 1859 года умышленно подготавливали молодежь славянскую в Константинополе, Руссуке и Бухаресте против России. Там агитаторы знакомили ее с разными запретными памфлетами. Ближе всматриваясь в похождения Нечаева, нельзя не видеть, что власти турецкие и румынские поощряли его. Я даже думаю, что англичане ссужали его деньгами. Он был обласкан турками в Руссуке, румынами в Бухаресте и из Белграда в качестве болгарского учителя разгуливал по Бессарабии. Мне заметно было, что молодые болгары, приезжавшие к нам тогда, были настроены враждебно польскими выходцами в Руссуке. Мне также известно, что цинцаре выдавали себя за болгар. Цинцаре же коварны и двуличны». Высказав свои представления о такой ситуации, он заключал: «Стало быть пропаганда нигелизма с целью повредить русским была поощряема теми, кто ныне взваливает ее на русских.... Поощрителями разврата были тайные агенты Англии и Франции – поляки... Что бы не говорили злые клеветники, пресловутый нигелизм зародился в Лондоне и Париже и нашел готовое применение в Руссуке и Бухаресте».

¹ Там же. Л. 9.

В этом же письме Григорович сообщал «о своем горе». «Я оставил службу, ибо давно желал этого. Мне было тяжело в Одессе, но о причинах я умолчу. Честно заверю, я искренно служил русскому делу. Пусть обличают меня: дела ответят за меня». Главным делом в Одессе Григорович считал подготовку преемника по кафедре славянских литератур. Он надеялся, что им станет русский ученый А.А. Кочубинский, однако совет университета пригласил известного хорватского слависта В. Ягича. Григорович даже просил Попова посодействовать утверждению Кочубинского. Он восклицал: «Я думал, что ныне для науки славянской есть русские ученые, и что хорваты католики из школ Штротсмайера не годятся русским, как бы ученые они не были».

Конфликт с Ягичем, видимо, был очень острым. Позднее в «Истории славянской филологии» Ягич дал Григоровичу резко отрицательную оценку: «Ученые труды Григоровича не оправдали ожиданий»¹. Правда, он заметил, что «для антикварных и исторических рассуждений было у Григоровича по-видимому больше и наклонности, и способности»². Попов как раз и ценил исследования Григоровича по Сербии, так как сам был специалистом именно по истории южных славян, в своих лекциях он рекомендовал студентам работы Григоровича.

Попов быстро откликнулся на письмо Григоровича от 11 октября 1876 г. В ответ он писал 17 октября: «С печальными чувствами читал я полученное вчера от Вас письмо. Беспокоясь чем-либо помочь в деле, Вас интересующем, я, с одной стороны, возлагаю утешение на время, скорое лечить всякие раны; с другой, имею возможность несколько удовлетворить свою ученую совесть тем, что наш факультет предложил совету Московского университета избрать Вас в почетные члены».

Попов был деканом факультета и имел такое право. Но какие у него были аргументы? Об этом можно узнать из его статьи, написанной на основе архива Московского университета. Статья была посвящена О.М. Бодянскому, который из-за публикации «антирусского» сочинения Джона Флетчера в ЧОИДР решением министра народного просвещения был в 1848 г. перемещен в Казанский университет, а на его место переведен Григорович³.

¹ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. Репринт: М., 2003. С. 481.

² Там же. С. 482.

³ «Флетчерская история» обстоятельно проанализирована в литературе с указанием ее причин и мотивов. См.: Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. С. 71–73.

Однако Бодянский с упорством отказывался покидать Москву, приводя ряд аргументов. Григоровичу после недолгого пребывания в Москве пришлось вернуться в Казань. Всю эту историю с публикацией официальных документов и рассказал Попов в журнале «Русская старина» в 1879 г., когда оба профессора уже скончались¹. Важно, что историк счел необходимым опубликовать официальное письмо Совета Московского университета от 31 марта 1850 г. на имя Григоровича и его ответ от 20 июня. Эти архивные документы демонстрируют желание профессорской корпорации обособиться от бестактных действий чиновников министерства, высказать собственное мнение о профессиональных достоинствах коллеги и выразить ему «живейшую признательность за дружелюбные, благородные отношения к товарищам».

Возможно, московская профессура испытывала чувство вины перед Григоровичем и позднее. Попов сумел убедить своих коллег, что следует как-то искупить тот непривлекательный факт и признать Григоровича товарищем по Московскому университету. Официальный документ о присвоении звания почетного профессора Московского университета Григорович получил в ноябре 1876 г. Вскоре он написал в Москву: «Когда Вы благоволили намернуть мне о высокой чести, которая благодаря Вашему доброму участию мне готовилась, я, озабоченный трудным своим выселением из Одессы, не верил и считал весть Вашу знаком доброго привета Вашего среди испытаний недоброжелательства. Получив ныне письмо Николая Савича, извещающее о столь незаслуженном почете, считаю долгом обратиться к Вам с искренним признанием, что честь, которой удостоили меня члены Совета славнейшего университета, ставлю выше всяких наград.

Знаю, что не заслужил её, но, питая всегда глубокое уважение к славной Alma Mater, буду усиливаться оправдать столь почетное внимание»².

Это письмо написано уже из Елисаветграда, куда Григорович переселился в конце октября 1876 г. с «грузом до 150 пудов». Он объяснял свой выбор нового места проживания тем, что «там дешевле жить и там больше русских». Он предполагал найти здесь «удобства для трудов... сосредоточив свои труды на познании южнорусской земли и на старине... Ведь край, окружающий Елисаветград, был когда-то Новой Сербией, о которой сообщали

¹ См.: Воробьева И.Г. Первая биография О.М. Бодянского // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). М., 2009. С. 41–47.

² НИОР РГБ. Ф. 239. П. 7. № 49. Л. 12.

Вы драгоценные сведения»¹. Григорович не терял «надежды быть полезным науке».

К сожалению, его надежды не оправдались: 19 декабря 1876 г. В.И. Григорович скончался, и письмо к Н.А. Попову было последним.

Город Елисаветград, ныне Кировоград, где Григорович прожил столь мало времени, остался хранителем памяти о великом слависте. Именно здесь на его могиле 18 октября 1892 г. был открыт грандиозный памятник, сооруженный на деньги гимназистов, студентов и профессоров по инициативе Одесского историко-филологического общества. Отчет об этом событии был представлен отдельной брошюрой с фотографией памятника, списком жертвователей средств на его сооружение, текстами речей, произнесенных при открытии². Копия бюста была установлена в 1969 г. перед зданием Кировоградского машиностроительного колледжа. Так в Украине увековечили память своего земляка, уроженца г. Балта современной Одесской области, учившегося в Харькове и Дерпте, служившего профессором в Казани и Одессе. Найденные им и опубликованные славянские рукописи, сохраненные в архивохранилищах, принадлежат общеевропейской культуре.

«По чистоте помыслов и жизни, по глубочайшей преданности науке, по обширности и глубине познаний, по важности сделанных им находок и оставленных им трудов В.И. Григорович принадлежит к одним из замечательнейших славяноведов в Европе и к числу немногих знаменитых ученых, которыми Россия может доселе по справедливости гордиться» (В.И. Ламанский).

Библиография

НИОР РГБ. Ф. 86. П. 4. № 110.

НИОР РГБ. Ф. 239. П. 7. № 49.

http://library.kr.ua/elib/grigorovich/grigor_1.html

Валеев Э.Н. Эпистолярное наследие В.И. Григоровича как исторический источник: (по материалам писем Н.А. Попову) // Библиотека в контексте истории: материалы 10-й Всероссийской с международным участием научной конференции, Москва, 3–4 октября 2013 г. / сост. М.Я. Дворкин. М., 2013. С. 75–81.

Валеева Ю.Н. «Казанские письма» историка Н.А. Попова как источник общественной и культурной жизни Казани дореформенного периода // Вестник архивиста. 2013. № 2.

Воробьева И.Г. Первая биография О.М. Бодянского // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). М., 2009. С. 41–47.

¹ Имеются ввиду публикации Н.А. Попова о С. и А. Пишчевичах.

² См.: http://library.kr.ua/elib/grigorovich/grigor_1.html

Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: «Индрик», 2005.
Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М.: Изд-во МГУ, 1997.
Петровский Н.М. Путешествие В.И. Григоровича по славянским землям // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 12.
Ягич И.В. История славянской филологии. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1910. 961 с. Репринт: М.: «Индрик», 2003.

Воробьева Ирина Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор, Тверской государственный университет, г. Тверь; dubrovnik@mail.ru

**V.I. GRIGOROVICH AND N.A. POPOV
TWO UNIVERSITY ACADEMICS
(adapted from the correspondence)**

The research is based on archival data and looks at the relations between two Slavonic scholars of the second half of the XIX-th century against the background of academic culture at Russian Universities.

Key words: V.I. Grigorovich, N.A. Popov, Novorossiysk University, Slavonic studies, epistolary patrimony, corporate culture

Vorobieva Irina Gennadievna, Doctor of History, Professor, Tver State University, Tver; dubrovnik@mail.ru

УДК 94(497.2)+94(470):929”14/15”

Муртузалиев С.И.

**В.И. ГРИГОРОВИЧ – ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ИСТОРИК
БОЛГАРИИ XV – XVI вв.
(к 200-летию со дня рождения)¹**

Статья посвящена большому научному вкладу В.И. Григоровича в изучение истории болгарского народа XV-XVI вв. В середине XIX в. он стал первым российским историком, проникнувшим во внутренние районы Болгарии, ввел в научный оборот много новых документов, стоял у истоков славяноведения в Казанском и Новороссийском (Одесском) университетах.

Ключевые слова: В.И. Григорович, Болгария, славистика, история, путешествие.

XIX «долгий век» вошел в историю Европы как время модернизации и профессионализации, охвативших и такие сферы как наука и образование. Вслед за появлением новых прогрессивных стандартов подготовки преподавателей в европейских университетах в России также начались реформы в сфере высшего образования, в результате чего к концу первого десятилетия XIX столетия было открыто шесть университетов. В соответствии с университетским уставом 1835 года в четырех университетах: Петербургском, Московском, Казанском и Харьковском были учреждены кафедры истории и литературы славянских наречий. В связи с отсутствием профильных специалистов на открывающиеся кафедры были приглашены молодые, подающие надежды ученые, «интересовавшиеся» славянской культурой. Это было время своеобразной «легализации» молодой науки².

Однако условия для развития российской славистики были невероятно тяжелыми. С одной стороны – рост интереса российского общества к истории и современному положению славянских народов (исходя из темы статьи, далее акцент будет сделан на болгарях), с другой – явно недостаточное количество публикаций, способных удовлетворить возникший спрос. Сложившаяся

¹ Более подробно см.: Муртузалиев С.И. Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV – первая половина XIX в.). М., 2013. 408 с.

² См.: Макарова (Недашковская) Н.И. Поиск славянской идентичности в университетском славяноведении: В.И. Григорович. – URL: <http://referati.me/ upravlenie-vlast-gosudarstvennoe/makarova-poisk-slavyanskoy-identichnosti-27529.html> (дата обращения: 26.01.2015).